

**Советские немцы – «наказанный народ»
(типичная судьба сибирской немки Флорентины Зауэр)**

Две самые страшные и самые крупные войны в истории человечества русские и немцы провели по разные линии фронта. А поскольку к XX в. и без того незначительный барьер в отношении к военному и гражданскому населению противника совсем истончился, то мирному населению от этих войн тоже выпала весьма изрядная доля смертей и страданий. В том числе и немцам в СССР, волею исторических судеб уже давно оказавшихся за границами фатерлянда.

Надо признать, что часть европейских этнических немцев («фольксдойче», по лексике германских властей) сама спровоцировала репрессивные меры против своих сородичей. Одурманенные хорошо поставленной национал-социалистической пропагандой и возбуждённые харизмой фюрера, они создали обширные и активные фашистские ассоциации почти во всех европейских странах и даже в Западном полушарии (например, в Бразилии). Эти агрессивные объединения были тесно связаны с Берлином и, выполняя получаемые оттуда директивы, дестабилизировали ситуацию в Саарской области, Клайпеде, Судетах, Австрии, тем самым прямо участвуя в агрессии фашистской Германии. Это не могло не сформировать у европейского населения настороженного и даже враждебного отношения к местным немцам, а у европейских правительств – страха перед «пятой колонной» и превентивных мер по репрессированию собственных граждан, этнически родственных противнику. С началом гитлеровской агрессии эти меры только усиливались и расширялись. Практически так было везде, особенно в Польше, Франции и Бельгии. Сегодня историки пишут: *«Практика депортации и интернирования применялась по отношению к немцам практически во всех странах, подвергшихся агрессии Германии».*

К слову сказать, после Перл-Харбора и до конца Второй мировой японцы, проживавшие в США, тоже были интернированы. Хотя, в отличие от Европы, реального воздействия через океан на театр военных действий они оказать, конечно же, не могли. Однако янки учли опыт своих европейских союзников.

В СССР, несмотря на все старания НКВД, реальных фактов организованного сотрудничества советских немцев с фашистской Германией обнаружить так и не удалось. После карательных тридцатых годов, в мясорубке которых сгнуло и немало немцев, никому в голову не могла прийти мысль о создании каких-то объединений на платформе немецкой идентичности. Даже после заключения пакта Риббентропа – Молотова и наступления периода братания СССР и Германии, когда Сталин в декабре 1939 г. на поздравление его с 60-летием благодарил Гитлера за *«добрые пожелания в отношении народов Советского Союза»* и писал Риббентропу о том, что *«дружба народов Германии и Советского Союза, скреплённая кровью, имеет все основания быть длительной и прочной».* Насчёт

«длительности и прочности» вождь не угадал, а вот на предмет «скреплённости кровью» оказался провидцем.

Передовица газеты "Остяко-вогульская правда" № 295 от 26 декабря 1939 г. с ответными телеграммами И.В. Сталина к А. Гитлеру и И. Риббентропу в ответ на их поздравления с 60-летием

Помимо большевистских репрессий, немалую роль в прохладном отношении советских немцев (особенно молодёжи) к властям и политике Германии сыграла прекрасно работавшая идеологическая машина СССР и лозунг интернационализма как один из рычагов этой машины.

Однако Советский Союз не только поддержал международно-правовую практику начального периода Второй мировой войны, оформившую репрессии против граждан немецкой национальности, но и придал ей невиданные в Европе масштабы. Для того, помимо уже существовавшего опыта европейских стран, раньше вступивших в войну с Германией, были и свои причины: неудачное начало войны и быстрое продвижение войск вермахта и их союзников по советской территории; факты сотрудничества с оккупантами отдельных советских немцев; антигерманские и антинемецкие настроения в СССР в целом (клич И. Эренбурга «Убей немца!» был очень популярен). Всё это в совокупности привело к решению о тотальном выселении немецкого населения: сначала – с территорий, на которые надвигались войска вермахта, а немного позже – со всей европейской части СССР.

Первым и самым крупным актом стала ликвидация Автономной Республики немцев Поволжья (это при том, что уже с 13 июля 1941 г. здесь начали добровольно формироваться немецкие отряды народного ополчения для борьбы с немцами же). Поскольку акция тотальной высылки мирного населения была сопряжена с изменением административно-территориальной структуры страны, потребовались решения высших органов исполнительной власти. Ими и стали Постановление Совета Народных Комиссаров СССР и ЦК ВКП(б) от 26 августа 1941 г. и Указ Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 г. «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья». Идеологическим обоснованием огромной по масштабам репрессивной акции стали придуманные идеологами террора обвинения, что в автономии *«имеются тысячи и десятки тысяч диверсантов и шпионов, которые по сигналу, данному из Германии, должны произвести взрывы в районах, заселённых немцами Поволжья».*

Подумать только! Войска вермахта рвутся к Москве, десятки тысяч бойцов РККА ежедневно гибнет или попадает в плен, а 14.000 служащих в войсках НКВД задействованы против немцев – но не «германских» с

автоматами в руках, а «советских»; может быть, вчерашних соседей или одноклассников.

Сегодня пишут, что, согласно этому указу, из ликвидированной национальной автономии в малонаселённые районы Сибири, Казахстана и Средней Азии было депортировано почти полмиллиона (от 438.280 до 446.480) советских граждан немецкой национальности.

И это было только начало. Следом – в сентябре и октябре 1941 г. – вышло несколько постановлений Государственного комитета обороны СССР о массовой депортации немцев из других регионов страны:

- из г. Москвы, Московской обл. и Ростовской обл. – постановление ГКО СССР № 636 от 6 сентября 1941 г.;
- из Тульской обл., Краснодарского и Орджоникидзевского краёв, Северо-Осетинской и Кабардино-Балкарской АССР – постановление ГКО СССР № 698 от 21 сентября 1941 г.;
- из Запорожской, Ворошиловградской и Сталинской обл. Украинской ССР – постановление ГКО СССР № 702 от 22 сентября 1941 г.
- из Воронежской обл. – постановление ГКО СССР № 743 от 8 октября 1941 г.;
- из Азербайджанской, Армянской и Грузинской ССР – постановление ГКО СССР № 744 от 8 октября 1941 г.;
- из Дагестанской и Чечено-Ингушской АССР – постановление ГКО СССР № 827 от 22 октября 1941 г.

Из некоторых регионов массовая депортация немцев осуществлялась и без специальных постановлений Государственного комитета обороны СССР, здесь обошлись всего лишь распоряжениями Наркома внутренних дел:

- из Одесской и Днепропетровской областей Украины;
- из Горьковской, Куйбышевской, Ленинградской, Калининской областей;
- из Калмыцкой АССР.

Обходились и регламентирующими документами ещё более низкого уровня. Например, для *«решения о немедленном выселении из пригородов Ленинграда немецкого и финского населения в количестве 96000 чел.»* в Казахстан и Сибирь было подготовлено всего лишь специальное постановление Военного совета Ленинградского фронта № 196 от 26 августа 1941 г.

К 1 января 1942 г., как указывается в некоторых источниках, в восточную часть страны были выселены 856.168 чел. немецкой национальности, на места прибыли 799.459 чел. Тотальное перемещение немецких граждан было завершено к маю–июню 1942 г. По подсчётам историков, менее чем за год внутри страны было перемещено 1.209.430 немцев. С учётом данных переписи 1939 г., зарегистрировавшей в СССР 1.427.000 граждан немецкой национальности, депортировано было 85 % советских немцев. Журналистское определение советских немцев «наказанный народ» точно не только метафорически, но и статистически.

Одновременно с вывозкой гражданского немецкого населения из ликвидированной Автономной Республики немцев Поволжья – в сентябре 1941 г. – немцы изымались и из действующей армии, где их насчитывалось 33.561 чел. (в том числе 1.609 офицеров). Большинство использовалось для формирования строительных батальонов, которые направлялись на четыре объекта НКВД: Ивдельлаг, Соликамбумстрой, Кимперсайлаг и Боговестстрой. Некоторые отправлялись к своим переселённым семьям, но и

они, в конце концов, оказались мобилизованными на работы. К слову сказать, часть немецких военнослужащих правдами и неправдами (вплоть до смены фамилии) осталась в боевых частях и честно воевала вплоть до победного 45-го. Разумеется, часть их оказалась в плену, но... Потрясающий факт: несмотря на все старания, нацистам так и не удалось сформировать из них в составе вермахта специального национального подразделения, хотя в составе войск СС воевали как минимум 5 дивизий, укомплектованных этническими немцами (фольксдойче) из Венгрии, Румынии, Хорватии и Сербии. Эсэсовские подразделения из казаков, которых считали и считают опорой российской власти, существовали, а вот из «неблагонадёжных» немцев – нет.

Помимо депортации гражданского немецкого населения в восточные регионы СССР и демобилизации немцев-военнослужащих, представители этой национальности хлебнули ещё одного лиха – мобилизации в так называемые трудовые колонны (позже появилось название трудармия). Первыми по закрытому постановлению Политбюро ЦК ВКП (б) от 31 августа 1941 г. «О немцах, проживающих на территории Украинской ССР» в рабочие колонны были поставлены немцы-мужчины Украины в возрасте от 16 до 60 лет. К январю 1942 г. только на объектах НКВД их трудилось 20.800 чел., немало таких же невольников были приписаны к другим комиссариатам.

Второй этап мобилизации в «трудовую армию» начался после постановлений Государственного комитета обороны СССР № 1123 сс от 10 января 1942 г. «О порядке использования немцев–переселенцев» и № 1281 сс от 19 февраля 1942 г. «О мобилизации мужчин – немцев призывного возраста от 17 до 50 лет, постоянно проживающих в областях, краях, автономных и союзных республиках». На этот раз к украинским немцам добавили тех, кого совсем недавно вывезли на восток страны – таких оказалось 40.900 чел.

Третий этап начал свой отсчёт с аналогичного постановления от 7 октября 1942 г., только на этот раз метла мобилизации зачищала уже остатки: во-первых, возраст мужчин был снижен до 15 лет; во-вторых, в списки мобилизованных были внесены и немки в возрасте от 16 до 45 лет. Женщин не трогали только в случае беременности или наличия ребёнка до 3 лет. Если же «киндер» был старше указанного возраста, он передавался на попечение остающихся на спецпоселении членов семьи (при отсутствии последних подлежал передаче родственникам или на попечение колхоза), а мать подлежала мобилизации. Потом было ещё два постановления Государственного комитета обороны СССР – № 3095 от 26 апреля 1943 г. и № 3857 от 2 августа 1943 г. Всего за третий этап было мобилизовано 123.500 чел. (70.800 мужчин и 52.700 женщин).

Немецкие рабочие колонны были задействованы на самых трудоёмких объектах – на лесозаготовках и рыбопромысле; в горнорудной, угольной и нефтяной промышленности; на железнодорожном и автодорожном строительстве... Непосильная работа вкупе с плохим питанием и болезнями по-снайперски прореживали колонны мобилизованных, и сегодня в «Аусзидлерском вальсе» российские немцы поют: *«Сколько наших родных похоронено / На Урале, в Сибири, в Крыму!»*. Однако точной цифры

советских немцев, погибших в трудовых лагерях, в открытых источниках до сих пор нет.

Немецкие рабочие колонны были распущены только в 1947 г. Выжившие демобилизованные немцы были отправлены к своим семьям на спецпоселение.

После окончания войны и разгрома Германии, казалось бы, немцы – граждане СССР, – которые доказали свою лояльность власти, перестали быть источником потенциальной угрозы, должны были бы получить свои гражданские права, в том числе и свободу передвижения. И многие из них верили, что их насильственное выселение – это всего лишь эвакуация на период войны, что теперь вслед за другими эвакуированными они смогут вернуться домой, получат паспорта...

Основания для таких иллюзий имелись. Дело в том, что в момент массовой депортации никакого правового оформления относительно немцев не было, и органы исполнительной власти на местах их вселения придавали им статус эвакуированных или сельскохозяйственных переселенцев (хотя запрет на выезд с мест нового жительства существовал изначально). Но с 1942 г. немцы начинают де-факто восприниматься как спецпереселенцы. А к концу войны власти, уже предвкушавшие победу над внешним врагом, вновь обратились к «внутренним врагам» – Совет народных комиссаров принял Постановление «О правовом статусе спецпереселенцев». Он до 1955 г. узаконит в СССР – *«самой свободной и демократической стране в мире»* – наличие огромной группы населения, лишённой гражданских прав, по сути – крепостных. В том числе и немцев.

В военные и первые послевоенные годы немцы составляли довольно-таки значительную долю спецпоселенческого «контингента» восточных регионов СССР (даже с учётом массового вселения в эти регионы раскулаченного крестьянства в начале 1930-х гг.). Так, к 1945 г. в Томской области они составляли 17.262 чел. из 94.947 спецпереселенцев (18 %). А в Александровском районе этой же области в указанном году немцы составляли почти половину репрессированного населения – 2.630 из 6.033 чел. (44 %). К 1 января 1953 г. на положении спецпоселенцев в СССР находились уже 1.224.931 чел. немецкой национальности!

Статус спецпоселенца был закреплён Указом Президиума Верховного Совета СССР № 133/12 д. № 111/45 от 26 ноября 1948 г., по которому все немцы, кто был выселен в годы Великой Отечественной войны, приговаривались к вечной ссылке. В стране, распевавшей *«Я другой такой страны не знаю, / Где так вольно дышит человек»*, немцы на спецпоселении не имели элементарных общегражданских прав: у них отсутствовали паспорта; юношей не призывали на военную службу; действовали значительные ограничения на работу в государственных органах и учреждениях, в народном образовании, здравоохранении, культуре (справедливости ради надо заметить, что последнее местными руководителями часто нарушалось по причине вечного дефицита квалифицированных специалистов и знаменитой немецкой работоспособности). В общественных местах и на работе действовал запрет на общение немцев на родном языке.

Особенно унижительным и хлопотным было режимное проживание на спецпоселении – прикрепленность к комендатуре, требование регулярной регистрации. Неисполнение этого требования приравнивалось к побегу, а побег карался 20-летней каторгой. Дети до 16 лет вносились в посемейный учёт, после указанного возраста переводились на персональный учёт. Столь характерная для немецких подростков мотивация учиться ремеслу, стать специалистом, чтобы обрести в будущем хорошо оплачиваемую работу, наткнулась на запрет выезда за пределы спецпоселений и, как следствие, на невозможность получить среднее специальное или высшее образование. Совершенно очевидная закономерность: интеллектуальной деятельностью занималась часть немцев старшего поколения, получивших образование и профессиональные навыки ещё до высылки 1941 г., и их внуки, рождённые в 1950-1960-х гг.; среднее меж ними поколение, депортированное в детском возрасте, имеет в своих трудовых книжках, как правило, чернорабочие профессии, а многие остались просто малограмотными. Сколько *«собственных Платонов и быстрых разумом Невтонов»* из числа советских немцев стали в результате глобальной «презервативной акции» 1941 г. конюхами и сучкорубами, теперь уже не скажет никто.

Примером дополнительных проблем, с которыми сталкивались в те годы немцы, может служить судьба известного учёного (археолога, историка и лингвиста), профессора Томского педагогического института, лауреата Сталинской премии А.П. Дульзона. В его полевых дневниках сохранились записи об обстоятельствах невольного положения. Находясь в экспедициях в глухих, крайне труднодоступных районах сибирской тайги, он вынужден был бросать изыскания и искать время, деньги и возможности, чтобы выбраться в Томск для очередной отметки в комендатуре, а затем снова пешком, в челноке или на олене за сотни километров возвращаться для продолжения экспедиционной работы.

И так было до смерти Сталина. Поворотной стала дата 13 августа 1954 г., которой помечены сразу два важных документа с одинаковым содержанием – Постановление Президиума ЦК КПСС и Постановление Совета Министров СССР № 1738-789сс. Оба предписывали *«снять ограничения по спецпоселению:*

- с бывших кулаков, высланных в 1929–1933 годах из районов сплошной коллективизации;*
- с немцев – местных жителей Дальнего Востока, Сибири, Урала, Средней Азии, Казахстана и других мест, откуда выселение немцев не производилось;*
- с немцев, мобилизованных в период Великой Отечественной войны для работы в промышленности, которые выселению не подвергались»*

Есть немецкая пословица *«Wer A sagt, muss auch B sagen»*, перешедшая и в русский язык: *«Сказал А, говори и Б»*. Если отменили режимное проживание с обязательной регулярной регистрацией, сделайте следующий шаг по отмене дискриминации – выдавайте гражданские паспорта! И действительно: 10 марта 1955 г. на свет появляется Постановление Совета Министров СССР «О выдаче спецпоселенцам паспортов».

Буквально через пару недель – 23 марта 1955 г. – был сделан следующий шаг: Министерство обороны СССР и Министерство внутренних

дел СССР начали призыв в армию молодых немцев, снятых с учёта спецпереселенцев. Однако какие-то внутренние секретные документы по поводу немцев-военнослужащих, по всей вероятности, всё же существовали, причём достаточно долго. Иначе почему вплоть до рубежа 1970–1980-х гг. немцы-призывники, как правило, направлялись служить в стройбаты и железнодорожные войска, а зачисление немцев в военные училища было скорее исключением, чем правилом?

Следующим стал Указ Президиума Верховного Совета СССР от 13 декабря 1955 г. «О снятии ограничений в правовом положении с немцев и членов их семей, находящихся на спецпоселении». Он состоял всего из двух пунктов. Первый предписывал *«снять с учёта спецпоселения и освободить из-под административного надзора органов МВД немцев и членов их семей, высланных на спецпоселение в период Великой Отечественной войны, а также немцев – граждан СССР, которые после репатриации из Германии были направлены на спецпоселение»*. А вот второй уточнял, *«что снятие с немцев ограничений по спецпоселению не влечёт за собой возвращение им имущества, конфискованного при выселении, и что они не имеют права возвращаться в места, откуда они были выселены»*.

И к 1 января 1958 г. среди 145.968 спецпоселенцев, учтённых в СССР, немцев осталось всего 35 чел. (это только 0,03 %). Если сравнить с остающимися на спецпоселении украинцами (85.161 чел.), литовцами (36.330 чел.) или молдаванами (7.903 чел.), то это совсем пустяк.

Однако даже уже не отмечающихся у коменданта немцев злые языки по-прежнему дразнили «фашистами», а пацанов с немецкими фамилиями не звали играть «в войну». Только 29 августа 1964 г. – день в день через 23 года! – официальные обвинения советских немцев в пособничестве фашизму были признаны необоснованными. В Указе Президиума Верховного Совета СССР «О внесении изменений в Указ Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 года «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья» было сказано: *«...В отношении больших групп немцев – советских граждан были выдвинуты обвинения в активной помощи и пособничестве немецко-фашистским захватчикам. Жизнь показала, что эти огульные обвинения были неосновательными и явились проявлением произвола в условиях культа личности Сталина. В действительности в годы Великой Отечественной войны подавляющее большинство немецкого населения вместе со всем советским народом своим трудом способствовало победе Советского Союза над фашистской Германией, а в послевоенные годы активно участвует в коммунистическом строительстве»*.

Однако и здесь вторым пунктом возвращение теперь уже реабилитированного народа к местам прежнего проживания не приветствовалось: *«Учитывая, что немецкое население укоренилось по новому месту жительства на территории ряда республик, краёв и областей страны, а районы его прежнего места жительства заселены...»*.

Наконец через 31 год – это возраст целого поколения! – появился Указ Президиума Верховного Совета СССР от 3 ноября 1972 г. N 3521-VIII «О снятии ограничения в выборе места жительства, предусмотренного в прошлом для отдельных категорий граждан», который разрешал немцам и

другим «наказанным» советским народам (грекам, армянам, болгарам, туркам) выехать из мест их «укоренения».

Вся жизнь людей, которым не повезло в СССР родиться немцем, это бесконечная череда унижений, преодоления и беспросветной работы. Рассказы жертв массовой депортации о высылке, дороге на восток, обустройстве на новом месте – это подлинная история нашей страны, которая так мало похожа на сюжеты сплошь идеологизированной официальной «исторической науки». В чём-то эти рассказы похожи, как похожи судьбы людей, которые лежат на соломе в одном запертом грузовом вагоне и едут из отчего дома на берегу Волги или Дона в землянку на берегу Оби или Иртыша. В чём-то они различны, как различны места и люди, которые стали новой средой обитания немцев-спецпереселенцев. Но каждый такой рассказ достоин общественного представления, поскольку исторически правдив и человечески выстрадан.

----- * * * -----

А теперь немного личного. Я вырос в р.п. Тогуре Колпашевского района Томской области, в семье раскулаченных в 1931 г. алтайских крестьян. Помимо моей, в посёлке проживало много семей бывших спецпоселенцев, в том числе и немецких. В школе постоянно звучали фамилии Флеминг, Баймлер, Финк, Ульберт, Кильман, Рейман, Горн, Земерфельдт... (даже в наши дни, когда многие немцы выехали, 5,1 % учеников Тогурской средней школы носят немецкие фамилии). Немцев было больше, чем селькупов – коренного населения здешних мест.

В моём поколении школьников шестидесятых годов никакого предубеждения против одноклассников или соседей с такими фамилиями не было. Мы дружили, потому что у большинства родители, несмотря на разные – русские, немецкие, украинские и прочие фамилии, – рассказывали одинаковые истории про ссылку, непосильную работу в колхозе или на лесоповале, злых комендантов и умерших братьев и сестёр. Более того, немцы пользовались заслуженным уважением за трезвый образа жизни, ответственное отношение к работе, аккуратность в быту...

Хотя непохожести всё же были, только нашим детским умишком они тогда не осознавались и не объяснялись. И они заключались не только в том, что наши немецкие одноклассники тщательнее следили за школьной формой, были более молчаливы или больше времени отдавали помощи родителям по хозяйству, чем играм на улице. Необычным было то, что их родители до самой смерти говорили с заметным акцентом, а бабушки иногда объяснялись по-русски еле-еле. Дедушек, кстати говоря, вообще не помню, их просто не было (хотя дедов, сгинувших в горнилах спецпереселения, репрессий и войны, не было и во многих русских домах). Если у тебя был друг-немец, он мог показать тебе бабушкино Евангелие, напечатанное готическим шрифтом, – это для сибирской глубинки было экзотикой. Впрочем мест для коллективных молений не было; очевидно, с богом немцы общались в семьях. Не помню и каких-то особых проявлений немецкой идентичности на обрядовом уровне – на свадьбах, похоронах. Если они и были, то не для посторонних. И вообще немецкие дома были достаточно закрытыми.

Вот и историю своей жизни мама моего одноклассника Антона Зауэра, которую я предлагаю в подлинной видеозаписи и текстовой распечатке, рассказала только 8 июля 1996 г. – когда стало можно рассказывать.

Звали её Флорентиной, девическая фамилия Гиберт. Хотя в ссылке это имя переименовали на Валентину, а фамилия после замужества стала Зауэр.

Родилась она 21 мая 1925 г., ушла из жизни 3 января 2009 г., через 13 лет после записанного интервью. Запись сделана в п. Саровке Колпашевского района Томской области, в котором Флорентина Михайловна Зауэр прожила большую часть своей жизни.

Родилась она в Сталинской (ныне Донецкой) области. По переписи 1939 г. на территории тогдашней Украинской ССР проживало около 880.000 чел.

Если бы семья Гиберт проживала в западных областях Украины или немецкое наступление в 41-м оказалось более стремительным, её судьба могла быть иной. Ведь часть украинских немцев не успели вывезти на восток СССР; например, из Запорожской области в вагоны загрузили только 32.162 чел. из 53.566, предназначенных для депортации. Остальные попали под оккупацию, и молодёжь поехала в подконвойных вагонах в противоположную сторону – на заводы и поля Германии. Советские немцы были обречены на трагическую судьбу в любом случае.

А Флорентина в 1941 г. оказалась в Сибири. История жизни этой женщины и содержится в её рассказе. При всей своей бесхитростности, простоте и похожести на другие, этот рассказ чрезвычайно важен, ибо он – правда. Надо только суметь услышать за обыденными словами всю трагедию изломанной человеческой жизни. Надо почувствовать боль и страх 16-летней девушки, у которой отняли отца, братьев, подруг, отчий дом, привычный круг вещей – всю её Вселенную. Которую под крики и оскорбления привезли в совершенно другой мир, подвели к краю таких безграничных водных просторов, каких она никогда не видела, посадили в утлую вертлявую лодчонку, дали в неопытные руки весло и оттолкнули от берега...

Не всем дано понять и почувствовать чужую боль. В 2004 г. я привозил к Флорентине Михайловне телевизионщиков из Германии. Думал, что они через судьбу этой женщины почувствуют трагедию советских немцев – своих братьев по историческим корням. Во время разговора я попросил её спеть что-то на родном языке. И она запела, как она поёт и на записи 1996 г. Гости заржали. Я, не зная немецкого и не понимая слов песни, спросил: «Почему смеётесь? Песня смешная?». «Нет, – ответили, – просто смешно, что такая пожилая женщина поёт детскую песенку». Стало больно за землячку: я – русский – понял и принял к сердцу её судьбу лучше, чем этнические собратья. На повышенных тонах пришлось объяснить им, что потому и поёт старуха детскую песню, что только её и успела выучить в своей семье. А потом не было в её жизни немецких песен – ни о любви, ни о родине... Пела только русские песни, а из Флорентины стала Валентиной.

Её младший сын Антон рассказывал мне, что в детстве мама учила его своим детским песенкам, и он пел их. А вот он своих детей этим песням уже не учил. И немецкий язык его дети учили в школе уже как иностранный. Я

спрашиваю его: «Ты почему не едешь в Германию? Не чувствуешь голоса предков?». «А зачем? – он отвечает. – Мы везде люди второго сорта. Здесь нас фашистами обзывали, там теперь моих уехавших родственников русскими называют».

«Наказанный народ». Свой среди чужих и чужой среди своих.

Я.А. Яковлев

→ [ВИДЕОинтервью 1996 г. с Фрорентиной Зауэр, урожденной Гиберт](#)

Из семейного фотоальбома Зауэров-Гиберт

Йозеф Гиберт. фото 1928 г.

Семья Гибертов до ссылки.

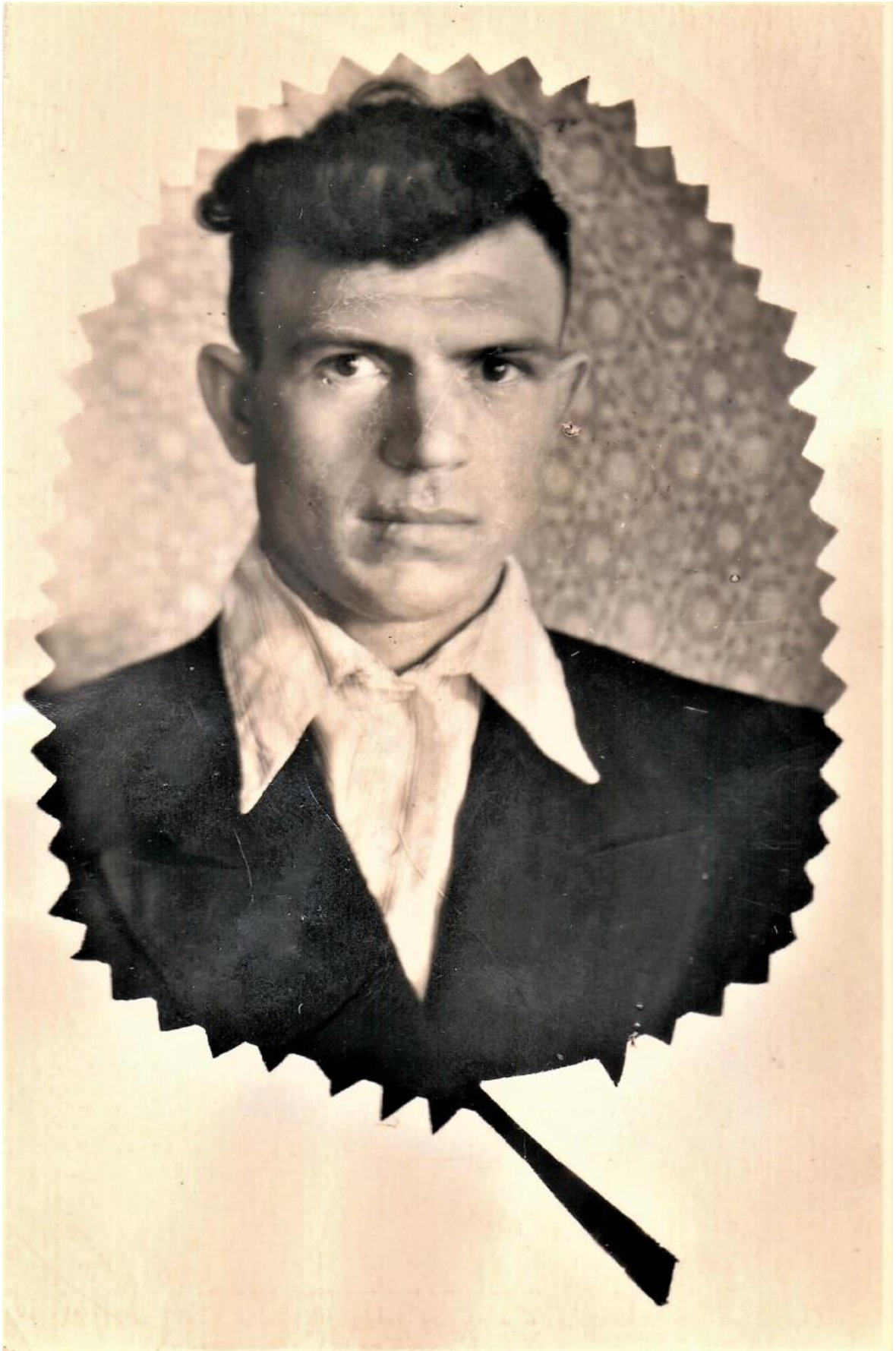
Гиберт Евалина Михайловна с мужем до ссылки. 1940-1941 гг.

Поволжские немцы Виктория Александровна и Антон Александрович Зауэры в ссылке в Колташевском районе Томской обл. Кон. 1940-х гг.

Поволжский немец Антон Александрович Зауэр в ссылке в Колташевском районе Томской обл. 1951г.

Антон Александрович Зауэр в п. Саровке Колташевского района Томской обл. Ок. 1960 г.

Семья Зауэров: Антон Александрович (ссылный с Поволжья), Флорентина Михайловна (ссылная из Украины) и их дети Анна, Иван и Александр, чьей родиной стала уже Сибирь. Пос. Саровка Колпашевского района Томской обл. Ок. 1960 г.

Немцы Зауэры, Бароны и Макштадты - теперь сибиряки. Пос. Саровка Колпашевского района Томской обл. Сер. 1960-х гг.

Поволжские немцы Антон Александрович и Александр Сергеевич Зауэры в п. Саровке Колташевского района Томской обл. Сер. 1960-х гг.